

Алексей Тепляков

Чекистский долг и почётная партийная обязанность: исполнение смертных приговоров в 1918—1953 гг.

На основе архивных документов, мемуарной и научной литературы исследуется органическая связь профессиональных исполнителей из системы ВЧК-МГБ с добровольными палачами из числа коммунистов, их последующий карьерный рост в партийно-советской номенклатуре.

+ + +

Большевики, придя к власти, сразу сделали крайне редкую в России профессию палача массовой. Исполнение смертных приговоров над бесчисленными врагами народа считалось ими особо важной политической работой. Выявление и акцентирование связи между профессиональными исполнителями и просто палачами по «мандату долга» добавляет важные элементы к облику правящего слоя СССР ленинско-сталинского периода.

Антибуржуазный левый экстремизм в России имел глубокие корни, уходя в традиции патриархальной уравнительности; отсутствие устойчивых правовых начал питало жестокий обычай крестьянских самосудов, окрепший в ходе Мировой войны и получивший огромное ускорение с 1917 г. В марксизме русские революционеры увидели прежде всего идею насильственного уравнивания. Исповедуя идею о насилии как повивальной бабке истории, К. Маркс в мае 1849 г. в «Новой Рейнской газете» писал о «революционном терроризме» в качестве единственного средства «сократить, упростить и концентрировать кроважидную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества», угрожая правительству: «Мы беспощадны и не просим никакой пощады у вас. Когда придёт наш черёд, мы не будем прикрывать терроризм лицемерными фразами». Но по сути ленинцы вели свою генеалогию не только от Маркса с Энгельсом, но и от ещё более крайних радикалов, вроде немецкого публициста К. Гейнца (1809–1880), который, по цитате, приводимой А. И. Герценом, полагал, что достаточно «...избить два миллиона человек на земном шаре — и дело революции пойдёт как по маслу»^[1]. Правда, Гейнцен выглядел довольно умеренно по сравнению с иными русскими революционерами. Например, В. Г. Белинский писал другу 28 июня 1841 г.: «Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливую малейшую часть его, я, кажется, огнём и мечом истребил бы остальную»^[2]. А пресловутый идеолог терроризма П. Н. Ткачёв в юности считал необходимым для победы революции уничтожить основную часть населения: «Успех революции будет обеспечен, если всем жителям Российской империи старше 25 лет отрубят головы»^[3]. Полная аморальность подобных ультра-революционеров привлекала

Ленина, особенно восхищавшегося фигурой кровавого провокатора-демагога С. Г. Нечаева.

Современные исследователи, оценивая роль террора в большевистской доктрине, отмечают, что только «большевикам во главе с Лениным удалось соединить радикальный утопизм с исключительно трезвым пониманием механизмов насилия», победа же большевиков была в сильной степени связана с тем, что «они обеспечили гораздо большее государственное насилие по отношению к своим врагам, населению в целом, чем их противники»^[4]. В. И. Ленин с молодых лет прекрасно понимал и не скрывал, каким путём должна идти революция. В 1901 г. он провозглашал: «□ Мы никогда не отказывались и не можем отказаться от террора. Это — одно из военных действий□»^[5] И вождь не был одинок. Один из его соратников в том же году написал товарищу: «Теория о неразумности террора есть только у интеллигенции, рабочие не знают её и будут [террор] применять»^[6]. На III съезде Советов в январе 1918 г. Ленин заявил: «Ни один ещё вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров — да, мы за такое насилие!..»^[7] Ленин не всегда находил нужным писать о своих планах после победы революции (тем более что до самого конца 1916 г. не был уверен что доживёт до неё), но соратники помнили, что Ленин ещё до Октября говорил — врагов революции ожидает беспощадная кара. В записи сына Н. И. Подвойского сохранился рассказ близкого ленинского соратника Г. М. Кржижановского: «Как-то в ссылке моя жена Зинаида Павловна, когда мы узнали об очередных казнях революционеров, воскликнула:

— Когда мы победим, мы прежде всего отменим смертную казнь!

— Ничего подобного, — возразил Владимир Ильич. — Мы будем беспощадно уничтожать всех мерзавцев, очистим от мерзавцев почву»^[8].

После октябрьского переворота Л. Д. Троцкий высказывался о терроре более открыто, чем осторожничавший Ленин. Уже 4 декабря 1917 г. он публично объявил, что «не осудит народа, который, ...возмущённый саботажем имущих классов, прибегнет к репрессиям и возможно даже — к гильотине», после чего по столице распространились слухи о восстановлении большевиками смертной казни^[9]. О яacobинской гильотине думал и Я. М. Свердлов, который на V Всероссийском Съезде Советов 5 июля 1918 г. сказал: «И если говорить сколько-нибудь серьёзно о тех мероприятиях, к которым нам приходится прибегать в настоящее время, то <...> мы можем указать... на самое резкое усиление массового террора против врагов советской власти <...> И мы глубоко уверены в том, что самые широкие круги рабочих и крестьян отнесутся с полным одобрением к таким мероприятиям, как отрубание головы, как расстрел контрреволюционных генералов и других контрреволюционеров»^[10].

Троцкий очень откровенно написал об истинных взглядах Ленина: «Никто так ясно не понимал ещё до переворота, что без расправы с имущими классами, без мероприятий самого сурового в истории террора никогда не устоять пролетарской власти... Вот это своё понимание и вытекающую из неё напряжённую волю к борьбе Ленин, капля по капле, вливал в ближайших своих сотрудников, а через них и с ними — во всю партию и трудящиеся массы"[11]. На V Всероссийском Съезде Советов 5 июля 1918 г. Ленин заявил: «Революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни <...> Ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение"[12]. Ленин был абсолютно согласен с теоретическими обоснованиями красного террора, зафиксированными в известных книгах Л. Д. Троцкого «Терроризм и коммунизм» и Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода».

Освобождение социума от моральных запретов было важной задачей большевистских вождей, понимавших, что революцию сделает активное меньшинство, привлечённое возможностью стать правящей силой и освобождённое от «химеры совести». Интеллектуал А. А. Богданов провозглашал: «Кричат... против экспроприаторов, грабителей, против уголовных... А придёт время восстания, и они будут с нами. На баррикадах взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова"[13]. Рабочий Вано Стура на XII съезде РКП (б), при жизни основателя большевистской партии, восклицал: «Запомним слова т. Ленина, который наивным товарищам, когда они задали вопрос: «что такое коммунистическая мораль?», — сказал: убивать, уничтожать, камня на камне не оставлять, когда это в пользу революции; но в другом случае гладьте по голове, называйте Александром Македонским, если это в пользу революции"[14]. Какое разложение в ходе коммунистического эксперимента поразило общество, говорит отчёт цензурного ведомства за 1933 г., где упоминается факт задержки Главлитом уже свёрстанной Сельхозгизом книги, в которой предлагалось организовать «кладбищенские совхозы для извлечения из человеческих трупов сахара, мыла, соли и т. п.»[15].

Придя к власти, большевики тут же узаконили террор, сначала де-факто, о чём откровенно писал чекист М. И. Лацис, восхищаясь фигурой Дзержинского, «напросившегося на работу по водворению порядка в стране», занявшего «обрызганное кровью» кресло главы ВЧК и «шедшего в разрез с буквой закона, но действовавшего согласно своему классовому правосознанию и совести», поскольку ситуация первых месяцев после Октября требовала предоставить чекистам «право непосредственной расправы"[16]. У «напросившегося» на свою работу Дзержинского ещё до переворота было ясное мнение о том, что делать с теми, кто не пойдёт с большевиками: уничтожать. Один из лидеров меньшевиков Р. А. Абрамович записал свой откровенный

разговор с Дзержинским в августе 1917 г.: «Вы помните речь Лассалья о сути конституции? — спросил Дзержинский. — Конечно. Лассаль сказал, что конституция определяется сочетанием реальных сил в стране. — Как меняется такое сочетание политических и социальных сил? — В процессе экономического и политического развития, путём эволюции новых форм экономики, появления различных социальных классов и т. д. — А нельзя ли, — задал принципиальный вопрос Дзержинский, — изменить это соотношение, скажем, путём подчинения или истребления некоторых общественных классов?"[17]

О своём видении террора сам Ф. Э. Дзержинский заявил, выступая 6 февраля 1920 г. на 4-й конференции ВЧК перед почти 70 высокопоставленными чекистами: «Когда мы подходим к врагу, чтобы его убить, мы убиваем его вовсе не потому, что он злой человек, а потому, что мы пользуемся орудием террора, чтобы сделать страх для других. ...Можно сказать про белогвардейцев, когда мы с ними расправлялись жестоко, мы выбивали оружие из их рук. Вот единственная цель и смысл террора, террора не как метода, не как воздействия, а как орудия борьбы за торжество пролетариата, окружённого со всех сторон врагами. <...> И поэтому методы должны отвечать достижению определённых наших результатов и когда возможно [эффективное] идейное воздействие [террора], то его непременно применять"[18]. Хотя здесь Дзержинский не упоминал о социальной роли террора, физически уничтожавшего тех, кто не годился для жизни в социалистическом обществе, но руководство партии всегда имело в виду то, что террор не только запугивает, но и служит лучшим средством для социальных чисток.

В идеократическом советском государстве правящий аппарат стремительно проникся логикой беспощадной расправы над противниками и всеми инакомыслящими. Развивая идеи вождя, М. И. Лацис в августе 1918 г. во всеуслышание заявил: «Установившиеся обычаи войны, выраженные в разных конвенциях, по которым пленные не расстреливаются и прочее, всё это только смешно: вырезать всех раненых в боях против тебя — вот закон гражданской войны"[19]. Выступивший осенью 1920 г. на беспартийной рабочей конференции в Одессе С. И. Сырцов, защищая доклад председателя губЧК, сослался на мнения Маркса, Энгельса «и других» (неназванных в газетном отчёте) революционных деятелей о недостаточной решительности якобинцев при расправе над буржуазией, процитировав их высказывания, «в которых яркой чертой проходит мысль о необходимости применения террора». Сырцов обвинил протестовавших против чекистских расправ меньшевиков в том, что они «не возражают против утверждения власти рабочих, но не хотят приложить своих рук к грязной кровавой работе, связанной с утверждением этой власти"[20].

Очевидно, что «самый суровый в истории террор», отождествляемый с необходимой «грязной кровавой работой», означал на практике попытку именно физического истребления враждебных большевикам

классов, социальных групп и отдельных личностей. Большевистские руководители, создавшие для грязной работы сверхполномочную службу политической полиции, вместе с тем не отделяли себя от системы ВЧК-МГБ. С точки зрения Ленина, всякий хороший коммунист обязан был быть и хорошим чекистом. Идеи террористических расправ с врагами рождались прежде всего в высшем руководстве партии, хотя и подталкивались в 1920 — 1930-х гг. информацией чекистов о повсеместных заговорах и неизбежной военной интервенции соседних государств. Ленин уже в июне 1918 г. требовал у петроградских большевиков во главе с Г. Е. Зиновьевым «поощрения энергии и массовидности террора». Один из основных организаторов расстрела царской семьи А. Г. Белобородов писал секретарю ЦК Н. Н. Крестинскому 6 мая 1919 г. с охваченного восстаниями Дона: «Необходимо организовать Чрезвычайки и, как можно скорее, покончить с трибунальским словоизвержением. Основное правило поведения при расправе с к[онтр]рев[олюцией]: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу». О том, что знаменитый крымский террор готовился загодя, говорит телеграмма И. В. Сталина Л. Д. Троцкому от 28 июня 1920 г., в которой сообщалось, что приказ о «поголовном истреблении врангелевского комсостава» предполагается издать к началу общего наступления на Врангеля[21]. В последовавшей кровавой «зачистке» Крыма, проведённой по указанию Политбюро ЦК РКП (б), очевидна направляющая роль Крымревкома в лице беспощадных Б. Куна и Р. С. Землячки.

Окончание Гражданской войны не повлияло на психологию победителей, в арсенале которых, по настоящему завещанию Ленина («мы ещё вернёмся к террору», 1922 г.), меры бессудного террористического принуждения сохранялись в полной силе. В начале коллективизации В. М. Молотов предельно откровенно объяснял руководящим местным работникам, как следует осуществлять раскулачивание: «...Когда меня на ноябрьском пленуме [1929 г.] спрашивали отдельные товарищи, как быть с кулаком, я говорил: если есть подходящая речка — топите. Не везде есть речка, значит, ответ недостаточный. Но отсюда ясно — надо громить... без административных мер не обойдётся, придётся нам пострелять. (Голос: «Повыселать!») Первый номер — пострелять, второй номер — повысить"[22]. Относивший себя к «большевистской интеллигенции» комиссар, военный прокурор и дипломат Н. Н. Кузьмин, член Сибкрайкома ВКП (б), в своём выступлении перед работниками краевого наркомпроса 7 мая 1930 г. так изобразил политику по отношению кулака:

- Мы говорим кулаку: будь добр, ликвидируйся как класс.
- Не хочу.
- Ликвидируем силой.
- Буду сопротивляться.
- Посадим в тюрьму.

— Буду драться.

— Убьём"[23].

Особенное внимание В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий уделяли поискам способных исполнителей-карателей, именуя их «твёрдыми» людьми. Уже 11 августа 1918 г. вождь большевиков телеграфировал в Пензу: «...Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению... Образец надо дать. 1) Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц□ Сделать так, чтобы на сотни вёрст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков. [...] Найдите людей потвёрже"[24]. Немного позднее Л. Д. Троцкий в письме к В. И. Ленину сообщал о наведении порядка в армии:

«Полевые трибуналы начали работу. Проведены первые расстрелы дезертиров. Первые расстрелы уже повлияли должным образом. Надеюсь, что перелом будет достигнут в короткий срок. Необходима дальнейшая посылка твёрдых работников"[25]. И В. И. Ленин, и Л. Д. Троцкий, и И. В. Сталин с Ф. Э. Дзержинским сразу требовали именно «твёрдых» работников, и в этом видны как суть кадровой политики «органов», опиравшейся на беспощадных личностей, так и феномен успешных партийно-советских карьер многих исполнителей приговоров.

Руководители Советской России в годы Гражданской войны не могли обойтись без собственных тюрем. Ленин и прочие обитатели Кремля превратили свою московскую резиденцию в застенок: в 1918 г. на территории Кремля действовала тюрьма для важных политзаключённых; именно на территории, где поселились вожди, в сентябре 1918 г. была публично казнена комендантом Кремля П. Д. Мальковым Фанни Каплан. Американец К. Каламатиано, арестованный в 1918 г. как шпион, отсидевший сначала восемь месяцев на жестокой «военной гауптвахте в Кремле» (держали на голодном пайке и лишь три раза за восемь месяцев водили в баню), вспоминал о своих соседях по заключению в Бутырской тюрьме: «В Кремле находился особый авт[обронево]й отряд ЦИК, всецело поляки, латыши, один-два венг[ра,] немцы, не коммунисты, но служили для зараб[отка] и готовы на всё, помогали при расстрелах ВЧК. Один из них за пьянство сидел две недели. Рассказывал много интересного — про расстрелы — 40–50 в ночь. Про хороший заработок при расстр[еле], хорошей наживе при обысках, арестах и т. д.». В холодном и сыром полуподвале Грановитой палаты долго держали эсерку М. А. Спиридонову, пока та не стала кашлять кровью[26].

Ф. Э. Дзержинский, выступая перед чекистами в 1920 г., предлагал и далее ужесточать тюремный режим, а также ввести каторжные работы[27]; при нём была де-факто введена система избиений и пыток, в том числе «мягких», в виде фактически узаконенной традиции продолжительных ночных допросов, изматывавших арестованных. В распоряжении Сталина в Царицыне была плавучая тюрьма — баржа, где для арестованных был создан невыносимый режим. В чекистской

системе свои тюрьмы имелись не только у собственно ВЧК, губЧК и уездЧК, но также у особых и транспортных отделов; соответственно, свои коменданты-расстрельщики имелись как в губЧК, так и у особистов с транспортниками. В январе 1919 г. последовал приказ Дзержинского всем членам коллегий местных ЧК наблюдать за расстрелами и участвовать в них. Вероятно, появление такого циркуляра было связано с критикой действий ЧК в советской прессе, резкими статьями М. С. Ольминского в «Правде»^[28]. Дискуссия означала недовольство части партийной верхушки чекистскими безобразиями, которые очевидным образом дискредитировали власть. Дзержинский, которому, вероятно, не раз высказывали претензии в связи с жестокостью расправ, поручил контролировать процедуру уничтожения «врагов народа» руководящим чекистам.

Надёжные исполнители расстрелов находились без особого труда. Гражданская война дала громадный выброс психопатических личностей — формально вменяемых, но глубоко ущербных с точки зрения психологической нормы. Острые формы воздействия государства на людей приводили к тому, что психопатическая часть номенклатуры постоянно пополнялась теми, кто прошёл через страшные, разрушительные для человеческой личности вещи, обычно не подозревая, что является настоящим монстром. Не считая тех, кто активно участвовал в терроре периода Гражданской войны и красном бандитизме, в каждом регионе в 1920 — 1930-х гг. имелись десятки людей, массами исполнявших смертные приговоры. Среди лубянских палачей легендарными, даже для самой чекистской среды, были такие многолетние исполнители, как П. И. Магго, К. Я. Дукис, М. В. Попов, В. М. Блохин и др.

Имя расстрельщика П. И. Магго (передавалось как «Мага») стало широко известным и среди чекистов, и в белоэмигрантских кругах уже к началу 1920-х гг. Слышавшие рассказы тюремщиков узники, затем бежавшие из России, уверяли, что на счёт Магго за 1918–1921 гг. было свыше 10 тыс. жертв: «Один из крупных чекистов рассказывал, что главный палач Мага, перестрелявший на своём веку не одну тысячу людей, — чекист, рассказывавший нам, назвал нам невероятную цифру в 11 тысяч расстрелянных рукой Мага, — этот палач Мага, как-то закончив «операцию» над 15–20 человеками, набросился с криками: «раздевайся такой-сякой» — на коменданта тюрьмы В.Ч.К. Попова, из любви к искусству присутствовавшего при этом расстреле... Попов струсил, бросился бежать, поднялась свалка, и только счастье, что своевременно подбежали другие чекисты и скрутили Мага. Иначе он обязательно прикончил бы Попова»^[29].

Благодаря публикации послужного списка М. В. Попова этот известный эпизод можно отнести к 1921 г. Вполне возможно, что цифра, сообщённая мемуаристом, была недалеко от истины, а если и преувеличена, то вероятно к моменту своей самоотверженной смерти весной 1941 г. «на объекте» (то есть по месту производства казней)

Магго мог достичь и даже превысить 10-тысячную отметку. Сходные показатели могли быть у других виднейших автоматов расстрельного ремесла — многолетних исполнителей Блохина и Попова.

Упомянутый выше М. В. Попов прослужил на комендантской работе с конца 1918 до осени 1952 г. и был уволен полковником по состоянию здоровья буквально за несколько дней до своего 63-летия. Попов — участник Первой мировой войны, кавалер двух Георгиевских крестов и медали, с декабря 1917 г. служил в Красной Гвардии, с августа 1918 г. был помощником командира 1-го Старорусского красноармейского пехотного полка и сразу получил ранение. После излечения в конце 1918 г. получил назначение комендантом Военного контроля в Москве, а с объединением Военного контроля с Особым отделом ВЧК был помощником коменданта Особого отдела ВЧК и начальником внутренней тюрьмы Особого отдела. С 1921 г. Попов являлся начальником Бутырской тюрьмы Московской ЧК. В 1922 г. ему дали передышку от казней в системе НКВД — на должности коменданта генерального консульства РСФСР в Латвии и заведующего домом отдыха генконсульства под Ригой. Вскоре его ждала работа помощника коменданта ГПУ на судебном процессе над членами партии эсеров в Москве, переброска на должности коменданта ПП ГПУ Туркестана и ПП ГПУ Закавказья (в Тифлис Попов поехал за своим бывшим начальником по Особому отделу ВЧК И. П. Павлуновским, в 1926 г. назначенным полпредом ВЧК-ОГПУ по ЗСФСР). В августе 1930 г. Попов вернулся в Москву с повышением и занял должность начальника тюремного отдела ОГПУ и коменданта Бутырской тюрьмы ОГПУ. С 1943 г. он являлся заместителем начальника комендантского отдела НКГБ-МГБ СССР. В 1920 г. Попов получил от Менжинского золотые часы (происхождение которых понятно), в 1923 г. удостоился высшего ведомственного отличия — знака «Почётный работник ВЧК-ГПУ» № 79 (второй такой знак ему достался в 1932 г.), а в 1931 г. — ордена Трудового Красного Знамени Грузинской ССР. Впоследствии он выслужил два ордена Красного Знамени и орден Ленина[30]. Начальником Попова много лет был известный В. М. Блохин — бессменный комендант ОГПУ-МГБ-МВД в 1926—1953 гг., дослужившийся до генерал-майора.

Участие в исполнении приговоров над врагами выглядело в глазах вождей высшей степенью политической лояльности. Охранник Ленина П. П. Пакалн был частым посетителем здания в Варсонофьевском переулке у Лубянки, где исполнялись приговоры, за что получил знак «Почётного работника ВЧК-ГПУ» за № 42 (у Магго был знак № 40, у его коллеги И. Ф. Сотникова — № 17 [31]). Подлинный энтузиаст расстрельного дела Пётр Яковлев, малограмотный сормовский рабочий, трудился кремлёвским шофёром («С 1922 по 1924 год был прикомандирован в Кремль к личному гаражу В. И. Ленина и И.В. Сталина. Был начальником гаража и обслуживал их лично»), но перевозку вождей благополучно сочетал с расстрелами, за что в 1923 г. получил знак «Почётный сотрудник ВЧК-

ГПУ» № 68. Затем он возглавил автомобильный отдел ОГПУ, стал полковником и депутатом Моссовета, но продолжал трудиться в комендатуре[32]. Сталин не только унаследовал ленинскую традицию привечания палачей, но довёл её до логического завершения: его основные охранники в течение многих лет занимались в свободное от охраны время исполнением приговоров на Лубянке. Именно этим людям вождь народов доверял свою жизнь и в период Большого террора лично проследил за тем, чтобы В. М. Блохин и другие комендантские работники избежали репрессий[33]. Вожди поменьше тоже отмечали исполнителей: так, начальник внутренней тюрьмы НКВД Грузии полковник С. Н. Надарая затем получил более спокойную работу начальника охраны Л. П. Бери. Профессиональные исполнители приговоров нередко продвигались по службе и становились известными деятелями чекистской системы в областных управлениях, особых отделах, системе ГУЛАГа[34].

На личном счету многих чекистов-оперативников были сотни и тысячи уничтоженных людей. Бежавший из большевистского плена генерал Данилов в докладе Е. К. Миллеру указывал, как крупный чекист А. В. Эйдук, проводивший вместе с М. С. Кедровым террор на севере России, похвалялся перед пленными белогвардейцами: «Собственноручно расстрелял более тысячи». Один из руководителей чекистских органов в Одессе и Крыму М. М. Вихман заявлял, что «много сотен врагов Советской власти расстреляны моею собственной рукой, точная цифра коих записана на моём боевом маузере и боевом карабине». Украинский чекист Семён Блюменштейн-Барановский в автобиографии писал: «По натуре жесток был и остаюсь к врагам народа. Собственноручно расстреливал сотни к[онтр]-р[еволюционеров]»[35]. Осенью 1921 г. начальник Секретного отдела Новониколаевской губчека К. Я. Крумин так характеризовал работу начальника Секретно-оперативного отдела и зампреда губчека С. А. Евреинова: «Тов. Евреинов лично принимал участие и проявлял максимум энергии в раскрытии нескольких белогвардейских организаций. Сам лично расстреливал участников в количестве нескольких сотен человек. <...> Кто думает бросить тень сомнения на таких революционеров, тот враг Революции»[36].

Аналогичное сугубо хвалебное мнение об исполнителях приговоров имелось и у партийно-советской номенклатуры. Н. И. Ежов был типичным партаппаратчиком, но, став наркомом внутренних дел, много занимался вопросами исполнения приговоров. Периодически нарком лично расстреливал, хотя этого от него совершенно не требовалось. В пьяном виде он хвастался участием в истязаниях и казнях крупных функционеров, которых хорошо знал по своей бывшей работе в орграспредотделе ЦК ВКП (б). Например, ему зачем-то понадобилось расстрелять секретаря Калининского обкома партии А. С. Калыгину, входившую в состав ЦК ВКП (б), и потом Ежов жаловался, что её образ ему всё время мерещится и всюду преследует[37]. Секретарь

Ивановского обкома В. Я. Симочкин в 1937 г. из чувства партийного долга присутствовал на всех казнях коммунистов, с удовлетворением наблюдая, как чекисты ликвидируют бывших его подчинённых[38].

Спектр постоянных участников казней был широк. В самых жестоких экзекуциях то и дело участвовали милиционеры [39]. Бывший глава ВУЧК М. И. Лацис рассказывал, как в Киеве чекисты назначили «своего начальника милиции из Чрезвычайки и он половину обысков производил один и очень исправно, взяв на себя даже работу расстреливать когда это требовалось"[40]. Точно так же в годы Большого террора начальник УРКМ НКВД Абхазской АССР Чедия регулярно участвовал в расстрелах осуждённых тройкой НКВД Грузии[41]. Бывший руководитель Омской школы милиции Д. Н. Кедров, возглавляя с 1937 г. управление милиции УНКВД по Дальнему Северу в Магадане, в мае 1938 г. за организацию массовых расстрелов колымских заключённых был премирован месячным окладом, в 1939 г. — награждён медалью «За трудовое отличие», а ещё год спустя стал заместителем начальника управления Северо-Восточного ИТЛ НКВД СССР[42].

Все сотрудники большевистской так называемой правоохранительной системы выступали в роли палачей. Если прокурор СССР, эстет А. Я. Вышинский ограничивался постоянным присутствием при массовых казнях, то судебские работники часто лично расстреливали. М. М. Пришвин записал в дневнике 8 октября 1937 г. «Догматизм В. Д. Ульриха, моего учителя: правоверный марксист делил мир на два класса, — святых пролетариев и грешную буржуазию. Сын его В. В. [Ульрих] стал это в жизнь проводить, стал государственным палачом». Пришвин не знал, что много лет приговаривавший к смерти глава Военной коллегии Верховного Суда СССР (и бывший крупный особист) Василий Ульрих ещё и нередко собственноручно расстреливал видных осуждённых, а потом рассказывал сожительнице или коллегам о поведении обречённых из числа советской знати[43]. Последний известный случай участия непрофессионалов в казни относится к 1953 г., когда бывшего маршала Л. П. Берия 23 декабря 1953 г. расстрелял комендант специального судебного присутствия генерал-полковник П. Ф. Батицкий в присутствии Генпрокурора СССР Р. А. Руденко и генерала армии К. С. Москаленко. Остальных осуждённых по делу Берии казнили заместитель министра внутренних дел К. Ф. Лунёв и заместитель Главного военного прокурора Д. Китаев.

Большевики выдвинули наверх массу маргинализированных личностей, которые политическую деятельность приравнивали к боевым действиям. Коммунисты легко соглашались не только становиться осведомителями ВЧК-МГБ, но и дружно участвовать в казнях — даже те, кто никогда не служил в «органах», тем не менее часто привлекались к исполнению приговоров. И это характерно не только для Гражданской войны, но и для позднейших времён, при всех периодических обострениях государственного террора. Сосланный летом 1920 г. в Екатеринбург Ф. И. Дан вспоминал о порядках в губЧК: «Один

из знакомых местных коммунистов рассказывал мне., что расстрелы производятся тут же, на дворе, под окнами заключённых. Он же утверждал, будто для операции расстрела мобилизуются по очереди все члены местной коммунистической организации"[44]. В январе 1930 г. в станице Пролетарской (ныне г. Пролетарск Ростовской области) в казни 24 осуждённых тройкой ОГПУ крестьян участвовал, помимо чекистов, и секретарь райкома партии[45]. В разгар Большого террора в небольших городах расстреливали по 200–300 чел. за ночь; так, в Тобольске 14 октября 1937 г. уничтожили 217 человек. Неудивительно, что при таких масштабах чекистский персонал не справлялся, и партийные органы шли навстречу. Опасаясь расконспирации массовых убийств, 22 апреля 1938 г. начальник следственной тюрьмы УГБ УНКВД по Омской области М. Г. Коньчев и начальник Тобольского окротдела НКВД А. М. Петров подписали «Акт обследования работы Тобольского окротдела НКВД по приведению приговоров к ВМН», где, в частности, вынуждены были предписать: «Прекратить приглашать для приведения приговоров товарищей из партактива и не осведомлять об этой работе лиц — не сотрудников НКВД"[46].

Многие факты говорят о том, что исполнители приговоров на местах, уйдя из ВЧК-ОГПУ-НКВД, нередко дорастали до высоких должностей, входя в номенклатуру районного, городского и областного уровня. Самый яркий пример — судьба знаменитого полярника И. Д. Папанина, в начале 1920-х гг. служившего комендантом Крымской ЧК и уволенного с этой должности из-за нервного расстройства. Впоследствии Папанин стал видным номенклатурным деятелем, дважды Героем Советского Союза, удостоенным прижизненного памятника. Один из ранних американских мемуаристов, встретив видную сотрудницу Рабоче-крестьянской инспекции, отметил миграцию исполнителей приговоров в номенклатуру системы госконтроля: «Я слышал, что она была раньше в ЧК одним из комендантов, как называется должность палача"[47]. Комендант Якутского облотдела ОГПУ Г. А. Грицкевич с 1926 г. работал инструктором Легостаевского райкома ВКП (б) в Новосибирском округе. Помощник начальника Барабинской тюрьмы УНКВД по Новосибирской области 25-летний П. И. Снегирёв весной 1936 г. участвовал в расстрелах, а в 1937—1938 гг. допустил массовую смертность заключённых от голода. С весны 1941 г. он становится председателем Куйбышевского горисполкома Новосибирской области. Рядом с ним «трудился» Д. С. Фоменко, бывший чекист, партработник, в 1937 г. мобилизованный в НКВД и в качестве секретаря Куйбышевского РО НКВД участвовавший в массовых расстрелах осуждённых. В 1939 г. Фоменко стал секретарём райисполкома и был «выдвинут» в депутаты Куйбышевского райсовета. Карьера Г. И. Мигучкина, до начала 1930-х гг. работавшего комендантом губотдела-окротдела ОГПУ в Омске, была скромной, но несомненной: в 1940 г. его

утвердили инструктором отдела кадров Вокзального райкома ВКП (б) г. Томска[48].

Даже среди профессиональных советских литераторов были люди, которые в молодости лично исполняли смертные приговоры или убивали без суда. Пример 18-летнего Аркадия Гайдара, застрелившего нескольких хакасов в 1922 г. во время подавления повстанчества на юге Енисейской губернии и впоследствии отмечавшего в дневнике сны, где к нему приходили люди, «убитые мною в детстве»[49], не был единственным. Бывший сибирский партизан И. М. Новокшенов, ставший видным чекистом, коллегией Омской губЧК 17 ноября 1921 г. был привлечён к ответственности за пьянство при расстреле, сопровождавшемся глумлением над трупами[50]. Быстро перебравшись в Москву, он стал писателем, а известность ему принесла экранизированная В. И. Пудовкиным повесть «Потомок Чингисхана». Для репутации А.А. Фадеева характерны слухи в писательской среде, исходившие, вероятно, от тесно связанного с НКВД бывшего особиста В. П. Ставского, и зафиксированные весной 1937 г. в дневнике М. М. Пришвина: «Говорят, что Фадеев был исполнителем и собственной рукой расстрелял множество людей. Между тем улыбочка у него очень симпатичная, и вообще как будто человек здоровый, нормальный, — никак не подумаешь»[51].

Достаточно часто становились палачами и женщины, причём опять-таки не только в Гражданскую войну. Известны имена действовавшей на севере России жены одного из руководителей красного террора М. С. Кедрова Р. А. Пластининой и руководительницы ряда губернских ЧК В. П. Брауде, которая о себе писала: «В дальнейшей работе как зам[еститель] Пред[седателя] губчека в Казани, Челябинске, Омске, Новосибирске и Томске я беспощадно боролась с с[оциал]-[революционе]рами всех видов, участвуя в их арестах и расстрелах». В 1935 г. в Сибири расстреливали осуждённых судья г. Барнаула Веселовская и старшая нарсудья г. Кемерово Т. К. Калашникова[52].

Казни далеко не всегда скрывали, признавая за ними воспитательную роль — и в Гражданскую войну, и во время подавления крестьянских либо национальных восстаний 1920-х — начала 1930-х гг. практиковались публичные экзекуции, особенно в национальных регионах. В Осинском уезде Пермской губернии карательным отрядом, направленным на поимку дезертиров, только в с. Куштамак было (в 1920 или 1921 г.) обезглавлено 13 крестьян[53]. Но обычно коммунисты тщательно прятали запредельную жестокость своих расправ. Реакцией на многочисленные раскопки деникинскими и колчаковскими властями тел садистски замученных жертв красного террора стало, например, характерное обращение подпольного Омского комитета РКП (б) в августе 1919 г.: «Это самая гнусная игра... с выдумкой фотографических снимков с пролежавших около года в земле трупов, которыми хотят так бесстыдно оклеветать пролетарскую власть России... Разве не будет такого же безобразного вида с любого трупа, пролежавшего в земле

хотя бы полгода самой спокойной смертью умершего человека?"[54] А между собой партийные вожди бывали вполне откровенны и весьма спокойно приводили факты самых жестоких расправ. Н.С. Хрущёв на октябрьском пленуме 1957 г. вспомнил, как комдив Е. Ф. Макачук под Сталинградом разгромил румын и при этом уничтожил множество пленных: «Он не умно сделал, всех пленных румын расстрелял. Немцы это использовали (брали солдат и увидели кучу наваленных трупов): не сдавайтесь русским, всех расстреливают. Это глупо сделал»[55]. Здесь Хрущёв абсолютно не сожалел о расстрелянных безоружных людях, а сокрушался лишь о неправильном поступке комдива, который укрепил сопротивляемость врага. Дальнейшие поиски в архивах, несомненно, позволят получить дополнительный материал об отношении советского руководства к массовым расправам и поощрению исполнителей.

Но и известных фактов достаточно, чтобы утверждать, что советский политический режим с самого начала требовал многочисленных исполнителей смертных приговоров над «врагами народа». Среди маргинализированных личностей, прошедших Мировую и Гражданскую войны, оказалась масса согласных и даже желающих уничтожать врагов, что позволяло использовать расстрельные подвалы в качестве площадок эффективных социальных лифтов, возносивших палачей к номенклатурным высотам. Созданная большевиками «расстрельная промышленность» охватила многие тысячи исполнителей, в том числе добровольных. При этом грань между коммунистами — профессиональными палачами из ВЧК-МГБ, и «любителями», — в период 1920 — 1940-х гг. сплошь и рядом оказывалась смазанной. Готовность собственноручно ликвидировать «врагов» была одной из важнейших характеристик советского правящего слоя.

---

[1] Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. — М., 1956. Т. 10. — С. 60.

[2] Иванов-Разумник. История русской общественной мысли: Индивидуальность и мещанство в русской литературе и жизни в XIX в. — СПб., 1991. Т. 1. — С. 315.

[3] Аненская А. Из прошлых лет // Русское богатство. 1913. Кн. 1. — С. 63.

[4] Люкс Л. Интеллигенция и революция: Летопись триумфального поражения // Вопросы философии. 1991. № 11. — С. 14; Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. — М., 1997. — С. 339.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. — С. 7.

[6] Письмо В. П. Ногина С.В. Андронову от 14 апреля 1901 г. // Пролетарская революция. 1924. № 11. — С. 229.

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 147; Т. 35. — С. 268.

[8] Тополянский В. Как он умел ненавидеть. К 85-летию со дня смерти Владимира Ульянова // Новая газета. 2009. 21 янв.

[9] Леонов С. В. Государственная безопасность советской республики в пору октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.) // Государственная безопасность России: история и современность. — М., 2004. — С. 396, 397.

[10] Кожин Ю. Заложники в годы гражданской войны в России // Первое сентября. 2000. Сентябрь. С. 3 // [http //archive 1 September ru/his/2000/no21 htm](http://archive.1september.ru/his/2000/no21.htm)

[11] Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927. — М., 1990. Т. 1. — С. 135.

[12] Троцкий Л. Д. К истории русской революции. — М., 1990. С. 212, 213; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. — С. 503, 504.

[13] Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. — М., 1997. — С. 216.

[14] Двенадцатый съезд РКП (б). 15–17 апреля 1923 г. Стенографический отчёт. — М., 1968. — С. 506.

[15] История советской политической цензуры. Документы и комментарии. — М., 1997. — С. 293.

[16] Лацис М. Тов. Дзержинский и ВЧК // Пролетарская революция. 1926. № 9. — С. 81, 83–84, 85.

[17] Abramovich R. The Soviet Revolution 1917–1939. — London, 1962. — P. 312.

[18] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 147.

[19] Лацис М. Законы гражданской войны не писаны // Известия ВЦИК. 1918. № 181. 23 авг.

[20] Известия Одесского губревкома. 1920. № 276. 19 окт.

[21] Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. Сост. А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. — М., 1996. — С. 109–110, 50.

[22] Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. — М., 2010. — С. 655–656.

[23] Государственный архив Новосибирской области, ф. П-3, оп. 3, д. 56, л. 138–139.

[24] Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. — М., 1996. — С. 57.

[25] Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. Кн. 1. — М., 1992. — С. 294.

[26] Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. — М., 2010. — С. 240, 241.

[27] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 149–150.

[28] Ольминский М. О чрезвычайных комиссиях // Правда. 1918. 8 окт.; Он же. Держиморды под советским флагом // Там же. 19 дек.

[29] Надеждин. Год в Бутырской тюрьме // Че-Ка. Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. — Берлин, 1922. — С. 146.

[30] См.: Буяков А. М. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД (1922–1932): справочник. — Владивосток, 2008. Ч. 1. — 112 с.

[31] Сведения А. Н. Жукова (Москва).

[32] См.: Сопельняк Б. Смерть в рассрочку. — М., 1998. — 457 с.

[33] Петров Н. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. — М., 2011. — С. 199–201.

[34] Тепляков А. Г. Исполнители смертных приговоров в системе ведомственной иерархии ВЧК-МГБ // «Жизнь в терроре: социальные аспекты репрессий». Материалы V Международной научной конференции по истории сталинизма. С.-Петербург, 18–20 октября 2012 г. — М., 2013.

[35] Дойков Ю. А. Памятная книжка. Красный террор в советской Арктике 1920–1923 (документальные материалы). — Архангельск, 2011. — С. 35; Капась И., Гогун А. Кровавый след по обе стороны фронта // Зеркало недели (Киев). № 14. 2012. 13 апр.

[36] Тепляков А. Г. Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920 — 1930-х годах. — М., 2007. — С. 38.

[37] Павлюков А. Е. Ежов. Биография. — М., 2007. — С. 342.

[38] Шрейдер М. П. НКВД изнутри. Записки чекиста. — М., 1995. — С. 80.

[39] Тепляков А. Г. Процедура... — С. 55, 75, 80.

[40] ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 16. Л. 120.

[41] Великий терор в Україні. «Куркульська операція» 1937–1938 рр. Ч. 2. — К., 2010. — С. 419.

[42] Бирюков А. М. Колымские истории. — Новосибирск, 2004. — С. 104–109.

[43] Петров Н. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. — М., 2011. — С. 220–221.

[44] См.: Дан Ф. Два года скитаний. Воспоминания лидера российского меньшевизма (1919–1921). — Берлин, 1922. — 268 с.

[45] Тумшис М. А., Папчинский А. А. ОГПУ и общество в период коллективизации: неизвестные страницы // Новый часовой. 2001. № 11–12. — С. 273–274.

[46] Гольдберг Р. Книга расстрелянных. Т. 2. — Тюмень, 1999. — С. 432–433.

[47] См.: Berkman A. The Bolshevik Myth (Diary 1920–1922). — New York, 1925.

[48] Тепляков А. Г. Процедура... — С. 89–91.

[49] Камов Б. Искупление // Литературная газета. 1990. 31 янв. — С. 12.

[50] Исторический архив Омской обл., ф. П-1, оп. 2, д. 48, л. 61 об.

[51] См.: Пришвин М. М. Дневники 1936–1937. — М., 2010. — 992 с.

[52] Чекистка /публ. А. Сыченковой // Гасырлар Авазы (Эхо веков). Казань, 2002. № 3–4; Тепляков А. Г. Процедура... — С. 33.

[53] Баберовски Й. Враг есть везде□ - С. 526, 684, 706; Габушин К. Н. Красный бандитизм на Урале // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (31). 2011. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. — С. 135–140.

[54] Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920). Документы и материалы. — Новосибирск, 1959. — С. 41.

[55] Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. — М., 2001. — С. 387.

Опубликовано: 3 архівів ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2013. № ½. С. 79–101.

<http://rusk.ru/st.php?idar=67253>